

Вэй Жуньюй, услышав это, расслабился и сказал:

— Это такая мелочь, братец Цзюсы, не беспокойся. Я уже отправил человека с сообщением.

Тао Цзюсы, чувствуя себя бессильным, с благодарностью кивнул и, сделав вид, что наслаждается едой, начал есть с аппетитом.

Этот ужин был для Тао Цзюсы настоящим испытанием, он ел без удовольствия, словно пережёвывая воск, и к концу почувствовал тяжесть в желудке.

Измученный физически и морально, Тао Цзюсы вернулся домой и слег с болезнью. Голова его разрывалась от боли, пульсируя то слева, то справа, заставляя его покрываться холодным потом и хмуриться от страданий.

Попросив старшего брата сообщить о своём отсутствии на следующий день, он свернулся калачиком на кровати, отчаянно борясь с головной болью.

На следующее утро Су Цинмэн вошла в комнату с тазом горячей воды, её лицо выражало беспокойство. Врач Цао только что осмотрел Тао Цзюсы и сказал, что с ним всё в порядке, просто он слишком много переживает, и нужно просто бережно за ним ухаживать.

Тао Цзюсы не спал всю ночь, и, как только Су Цинмэн вошла, он открыл глаза, но был слишком слаб, чтобы встать, и хриплым голосом произнёс:

— Спасибо, сестра.

Су Цинмэн, выжав тряпку, энергично протерла лицо Тао Цзюсы, ругаясь:

— Что это за зверинец, этот дворец, что довёл моего брата до такого состояния? На мой взгляд, тебе лучше туда не возвращаться. Если хочешь учить, найди другое место.

Су Цинмэн была от природы прямолинейной, а сейчас, находясь в гневе, действовала без всякой осторожности, и лицо Тао Цзюсы покраснело от её энергичных движений.

— Цинмэн, ты что, лицо мне месишь, а не умываешь? — снаружи внезапно раздался голос Хэ Сиюнь.

Су Цинмэн бросила тряпку и раздраженно сказала:

— Хэ Сиюнь, помолчи, мой брат болен, зачем ты орешь!

Хэ Сиюнь вошёл в комнату, смеясь:

— А ты, кажется, говоришь громче меня.

Подойдя к кровати, он посмотрел на слабого Тао Цзюсы и с восхищением произнёс:

— Красавец в болезни выглядит особенно трогательно.

Су Цинмэн рассердилась:

— Хватит издеваться над моим братом! Он заболел от переживаний за страну и народ, а ты, бездельник, в свои годы так ничего и не добился.

Хэ Сиюнь слегка покраснел, его уверенность сразу пошатнулась, и он пробормотал:

— Цинмэн, я знаю, что ты меня презираешь.

Су Цинмэн сердито посмотрела на него и фыркнула:

— Тогда сделай что-нибудь, за что я могла бы тебя уважать.

Хэ Сиюнь замолчал на мгновение, словно его мысли унеслись далеко, но затем снова заулыбался и сказал:

— Сестра Цинмэн, если я добьюсь успеха, ты выйдешь за меня замуж?

Су Цинмэн, видя его легкомысленное поведение, разозлилась ещё больше и стала выталкивать Хэ Сиюня за дверь:

— Уходи, уходи, моему брату нужен покой.

Хэ Сиюнь только теперь вспомнил, что пришёл навестить Тао Цзюсы, но, не успев сказать и пары слов, его уже выгоняли. Он ухватился за дверной косяк и крикнул в комнату:

— Цзюсы, выздоравливай, и если что-то нужно, скажи мне.

Су Цинмэн усмехнулась, по одному отрывая его пальцы от косяка, и позвала:

— Сяо Бин! Иди кусать!

Услышав, что Су Цинмэн зовёт маленькую жёлтую собаку, Хэ Сиюнь, который всегда боялся собак, в панике бросился наутёк.

Су Цинмэн, прислонившись к дверному косяку, злорадствовала:

— Ну и трус, даже маленькой собаки боится.

Тао Цзюсы, наблюдая за их перепалкой, невольно улыбнулся.

Он помнил, как Хэ Сиюнь впервые пришёл в Дом Су и сразу влюбился в его сестру Цинмэн. Хотя сейчас Цинмэн презирала этого бездельника, Тао Цзюсы знал, что Хэ Сиюнь изменится ради неё, и они поженятся. В прошлой жизни, в день их свадьбы, Хэ Сиюнь всё ещё упрямылся и отказывался называть Тао Цзюсы старшим братом.

Однако позже, когда Вэй Фусюэ подошёл к стенам города, Тао Цзюсы был полностью поглощён попытками спасти Вэй Жунью и не мог думать о них.

Лишь во время последнего противостояния с Вэй Фусюэ он узнал от него, что сестра и Хэ Сиюнь отказались выдать его местонахождение и были забиты до смерти. Вся семья Дома Су была заперта в доме как заложники, чтобы заставить Тао Цзюсы выдать Вэй Жунью.

Вспомнив это, Тао Цзюсы осознал, что с момента своего возрождения он упустил одну важную деталь: кто же в прошлой жизни выдал его маршрут бегства и место укрытия?

Тогда о его местонахождении знали лишь несколько человек, и все они были близкими друзьями или родственниками. Неужели среди них был предатель?

Даже после ужина Тао Цзюсы продолжал размышлять над этим вопросом.

Если бы предатель был вынужден признаться под пытками, Вэй Фусюэ, вероятно, сообщил бы ему об этом. Но он упомянул только, что Су Цинмэн и Хэ Сиюнь отказались говорить и были забиты до смерти, не упоминая ни о ком другом. Значит ли это, что предатель уже давно служил Вэй Фусюэ?

Тао Цзюсы, размышляя, встал, накинул верхнюю одежду и сел за письменный стол, разложив бумагу и приготовив тушь, чтобы записать всех, кто знал о его местонахождении, и постепенно исключить подозреваемых.

Только он поднял кисть, как увидел, что за окном мелькнула тень, и даже пламя свечи заколебалось.

Тао Цзюсы немного умел драться. Старый монах пытался сделать из него мастера и бойца, поэтому обучал его боевым искусствам. Однако Тао Цзюсы был не очень способен и учился медленно и плохо, чем постоянно раздражал старого монаха и забавлял его учеников. В конце концов старый монах сдался и перестал его учить.

Поэтому боевые навыки Тао Цзюсы были настолько слабы, что он мог лишь немного сопротивляться обычному хулигану, а против того, кто мог свободно передвигаться по Дому Су, у него не было никаких шансов.

Тем не менее, Тао Цзюсы положил кисть и взял меч, который обычно стоял в комнате для вида, решив проверить, что происходит.

Едва он подошёл к окну, как тень мгновенно впрыгнула в комнату. Это был Вэй Фусюэ, одетый в чёрную одежду.

— Первое Высочество, что вы здесь делаете? — удивился Тао Цзюсы.

Вэй Фусюэ повернулся, чтобы тщательно закрыть окно, опасаясь, чтобы не проник холодный ветер, затем оглядел Тао Цзюсы и, увидев, что тот, хотя и бледен, но в целом выглядит бодро, неуверенно произнёс:

— Сегодня ты не пришёл на урок. Матушка Гуй сказала, что ты заболел.

Тао Цзюсы убрал меч и слабо улыбнулся:

— Ты неплохо владеешь боевыми искусствами. Нелюбимый принц, у которого даже достойной одежды нет, но с такими навыками? За этим, должно быть, скрывается большая тайна. Теперь, когда я знаю об этом, ты собираешься меня убить?

Вэй Фусюэ открыл рот, чтобы что-то объяснить, но в конце концов промолчал.

Они долго молча смотрели друг на друга, атмосфера в комнате становилась всё более напряжённой, даже луна дрожала, прячась за облаками, а ветер внезапно завыл.

Вэй Фусюэ, словно очнувшись, вспомнил о маленьком свертке за спиной и облегчённо вздохнул, словно больной, нашедший лекарство.

Сняв сверток, он разложил его на столе:

— Матушка Гуй сказала, что это полезно для здоровья, — Вэй Фусюэ указал на несколько

маленьких кусочков ласточкиного гнезда, затем взял чайницу. — Ты любишь чай, я помню, это тоже для тебя.

Вэй Фусюэ, глядя на молчаливого Тао Цзюсы, впервые за долгое время выглядел смущённым и тихо сказал:

— У меня нет денег, матушка Гуй и Хуа Юньтай с трудом собрали немного, хватило только на это.

Хуа Юньтай был единственным слугой Вэй Фусюэ, который, как и матушка Гуй, служил императрице Дуань. После смерти императрицы он преданно последовал за Вэй Фусюэ.

Тао Цзюсы знал, как тяжело жилось Вэй Фусюэ и его слугам, но, несмотря на это, они думали о нём, и он был благодарен. Он мягко сказал:

— Спасибо вам, но в будущем не нужно этого делать.

Вэй Фусюэ пододвинул вещи к Тао Цзюсы:

— Что ещё тебе нужно? Я постараюсь найти. Главное, чтобы ты поскорее выздоровел.

Тао Цзюсы серьёзно принял сверток:

— Вам тяжело, лучше потратьте деньги на себя.

Вэй Фусюэ не ответил:

— Говорят, что переживания вредят здоровью. Учитель Тао, если ты заболел из-за того, что я тебе перечил, я... я... прости.

Тао Цзюсы на мгновение усомнился в своих ушах или подумал, что это галлюцинации от болезни. Вэй Фусюэ действительно сказал «прости».

Горькое и тёплое чувство смешалось в душе Тао Цзюсы, и он не знал, какому из своих жизненных опытов верить.

Вэй Фусюэ, оправившись, серьёзно сказал:

— В тот день ты задал мне вопрос, и я хочу ответить заново.

Тао Цзюсы кивнул, давая ему говорить.

Вэй Фусюэ произнёс:

— Подданные вражеского государства, верные своему правителю, должны быть покорены добродетелью и сдержаны законом. Если управлять ими только строгостью и насилием, это вызовет народное недовольство. Даже если это даст временный эффект устрашения, это не приведёт к долгосрочному порядку.

Тао Цзюсы на мгновение замер, затем прошептал:

— Надеюсь, ты сможешь сдержать своё слово.

Вэй Фусюэ спросил:

— Учитель, я прав?

<http://bllate.org/book/16421/1488034>